

ДВА ВЗГЛЯДА

Бедный Моцарт, или Кто правит бал в оперетте

Оттремел бал. Тот, в "Савоие". Премьерный. Чем же порадовали организаторы бала или удивили? Хотя удивляться давно уже не приходится. В наше время возможно всё. Живём без табу.

Начнём с афиши. Так как там зовут нашего автора, Абрахама? Неужто Пол? Господа постановщики, я понимаю, что мозги людей всё более проамериканиваются, но изменить тот факт, что он не американец, вы не можете: сами пишете в программке — венгр он (точнее, венгерский еврей — не надо бояться этого обстоятельства, не отбоялись ещё?), так что давайте будем его называть Пал или, на худой конец, Пауль, ибо, как и другие венгерские опереточники, он работал для немецкоязычных театров. Да и в Музыкальной энциклопедии, выпущенной в Союзе, указано — Пал.

Прежде чем приступить к постановке попристальнее, давайте узнаем, что это за название такое — Савой. Оно представляет собой английскую форму названия исторической области во Франции, на границе со Швейцарией и Италией, которая по-русски именуется Савойя. Со временем так назвали ряд отелей разных стран.

Нынешняя постановка "Бала" — уже третья в нашем театре. Первая состоялась в 1957 году, вторая — в 1991-м.

Первая вызвала восторженную оценку участника КВН первых лет, человека, желавшего стать артистом одесской оперетты, Давида Макаревского. В своей книге "Про этот лёгкий "лёгкий" жанр" он писал: "Я всю жизнь буду помнить один из спектаклей Изакина Абрамовича Гриншпуна "Бал в "Савоие" П. Абрахама. Это был незабываемый спектакль. Гриншпун поставил по краям сцены два роля, на которых играли выпускники Одесской консерватории, и в сочетании с ними джазированная музыка П. Абрахама звучала в какой-то непривычной для оперетты обработке."

А такие номера как "Кенгуру" и "Танголита" проходили на "бис". А состав какой был:

Е. Дембская, Е. Гловацкая, М. Дёмина, Ю. Дынов, М. Водяной. Конечно, должны были быть бисовки".

Вторую сам совсем не помню, хотя и присутствовал на одном спектакле. Поэтому сошлюсь только на прессу того времени. Постановщиком выступила Елена Негреску из Киева. Вот что она провозглашала в "Вечерней Одессе": "Старая оперетта с её штампами, с мещанской психологией её героев сегодня вряд ли может заинтересовать широкую публику. Молодёжь не ходит на неё, на мой взгляд, именно потому, что ей претят пошлость и надуманность сюжетных коллизий старой оперетты."

Задумав постановку "Бала в Савоие", с его великолепной, мелодической, запоминающейся музыкой, я сразу поняла, что ей лучше всего соответствует старое, первоначальное либретто, а не то, что было написано у нас в тридцатые годы. Пьеса Грюнвальда и Лёнер-Беда незамысловата, зато очень человечна. В ней много иронии, элементов фарса, подлинного веселья". (Фамилия второго из либреттистов должна писаться с одним "н".)

А теперь сравните с последними строками написанной тогда И. Бирзиным рецензии "Вкус поцелуя" (газета "Знамя коммунизма"): "Бал в "Савоие" принадлежит к так называемой "берлинской" оперетте, в оценке которой исследователи сходятся на мнении, что она, эта оперетта, в летописи истории жанра обозначила его деградацию и упадок. На пороге музыкального жанра во все колокола уже настойчиво звонил мюзикл."

В самом деле, ситуации "Бала в "Савоие" надуманны, вычурны, нежизненны. И поэтому вновь возникает извечный вопрос: а какую же, собственно, духовную пищу должен преподнести нынешнему зрителю театр? Впрочем, сколько зрителей, столько и мнений".

В оценке исходного материала я согласился бы с И. Бирзиным. Я прочёл в "Википедии" хоть и не либретто, но пересказ содержания на немецком языке. Читал пересказ и русско-

го варианта. Е. Негреску можно было бы попросить, чтоб она на конкретных эпизодах показала зрителю, чем это пьеса Грюнвальда и Лёнер-Беды принципиально отличается от традиционных оперетт. А молодёжь в массе никуда из серьёзных заведений не ходила, а не только в оперетту, и отнюдь не по указанным ею причинам. Давно наступила эпоха ТВ, магнитофонов, поп-, рок- и прочей эстрадно-массовой музыки. Режиссёр — как это сплошь и рядом можно наблюдать в интервью вообще — откровенно быть не хочет, а сказать общественности что-то надо, вот и высасывает из пальца рассуждения, выставляя себя на позор.

Содержание кардинально изменено, хотя театр нас убеждает, что либретто по-прежнему принадлежит А. Грюнвальду, Лёнер-Беде, а также В. Массу и М. Червинскому (создателем русского текста; кстати, последний из соавторов был одесситом). Но теперь под именами либреттистов имеется приписка: "Сценическая редакция Владимира Подгородинского" (он же и постановщик). Однако содержание спектакля в данной редакции таково, что приходится говорить о том, что в понимании театра "либретто" и "сценическая редакция" — это синонимы. Эта "редакция" привела в замешательство помнящих предшествующую постановку. Википедийная статья об этой оперетте может любому дать представление о первоначальном содержании.

Смысл того, что наваял театр в этот раз, вряд ли поддастся разумному объяснению. Пьесы как таковой попросту нет (не только моё мнение). Диалоги пусты. Поразить знающего может "упразднение" танцовщицы Танголиты и приятеля главного героя, Мустафы-бея. Шлягерный номер "Танголита" передаёт теперь Мадлен. Из второстепенного персонажа кельнер Помероль переведён в число главных. Пересказать все изменения сложно, да и не нужно. Остановлюсь лишь на некоторых сторонах.

Без Америки ведь теперь никуда, и действие перенесено из французской Ниццы, где действительно существует отель "Савой", в англоязычную среду. А вот в Америке что-то не находится отель именно с таким названием. В Нью-Йорке, впрочем, имелся "Савой-Плаза", но это немножко не то. Главному герою, Аристиду, поменяли французскую фамилию Фобла на американскую. Теперь он Стенвуд.

Но самое оригинальное — это введение в действие фигуры Моцарта. Ну никак он с реальным действием не связан. Герои этот образ просто механически притягивают. Это что ж должно было произойти со "сценическим редактором"? Ему можно сказать: "Не поминай имя Моцартова всуе".

Но всуе было упомянуто и имя Деголлово. В пьесе в качестве подарка фигурирует подаренный генералом де Голлем пистолет. Вообще-то действие разворачивается в самом начале 1930-х годов (на сцену произведение вышло в 1932 году), а генералом де Голлем стал только в 1940 году, да и тогда широкой публике он известен не был. Автор новой редакции действует по принципу "впихнуть лишь бы что".

Да, деталь: если Мадлен незамужняя, отчего это к ней обращаются "мадам"?

Кстати, хочу отметить момент оригинального либретто, не являющийся оригинальным. Обманутая жена спешит на бал для разоблачения неверного мужа, и последний ухаживает за своей женой, скрывшейся под маской. Ну это ж мы знаем по "Летучей мыши".

Теперь о музыке. Это удача композитора — музыка хорошая, хотя и не шедевральная. Но всё же, очевидно, чувствуется нехватка впечатляющего музыкального материала, и постановщики прибегли к испытанному в театральной практике вообще приёму — к вставным номерам. То есть спектакль превращается в концерт. Добро бы ещё взяли номера из других произведений Абрахама. Но тут совершенно иное — неаполитанская

Бежавший с "бала" сатаны, или

Сейчас принято хорошие отзывы о театральных спектаклях называть "заказными" и "проплаченными" (где деньги, Гринь?). Зная, что людям свойственно судить по себе, тшусь вообразить заказчика такой пародии на рецензию, которую сотворил Аркадий Гринь, и ловлю себя на мысли: только нечто демонообразное, с рогами и кислой миной может быть радо такому тексту и пообещать за него вечную молодость (это уже не получится) или несметное богатство (дьявол обманет, нечего льститься!).

Все не так, начиная от музыки, которая "хорошая, но не шедевральная". Дай волю Гриню, он бы и Моцарта довел до суицида. Долго и нудно попрекая театр тем, что в афише Пол Абрахам назвал именно Полом, а не Палом (на венгерский лад) или Паулем (на немецкий), господин Гринь как-то упускает, что никакого рецензента И. Бирзина, на чью заметку в "Знамени коммунизма" он ссылается, не было в природе, а был Виктор Бирзин. Пытаясь задним числом привлечь к ответу даже Елену Негреску, поставившую "Бал в "Савоие" в далеком 1991 году: дескать, не то говорила и не так, — Гринь превзошел самое

себя. Bravo, ай, bravo! Меж тем режиссер все сказала своим спектаклем, который ей вполне удался, был веселым и красивым. Режиссер, грубо говоря, не обязан никому ничего объяснять. Негреску не обязана, Подгородинский — тоже не обязан, он уже высказался своим авторским творческим продуктом — спектаклем. Но всё по порядку...

"Бал в "Савоие", поставленный в Одесском академическом театре музыкальной комедии имени Михаила Водяного, часто называют последней опереттой человечества. Хотя позднее были написаны еще две оперетты классика жанра Имре Кальмана — "Маринка" и "Дьявольский наездник". Они не стали популярными (за исключением отдельных номеров, исполняемых в концертах) и уж точно ни разу не ставились в Одессе. А вот оперетта Пола Абрахама "Бал в "Савоие", написанная в 1932 году, популярна во всем мире, и в Одессе ее уже ставили в 1957 и 1991 годах (в этих постановках блистали Идалия Иванова, Евгения Дембская, Михаил Водяной, Маргарита Дёмина, Наталья и Николай Завгородние, Виктория и Владимир Фроловы, Алина

Семенова, Тамара Тищенко, Галина Жадушкина). Стало быть, человечество именно "Бал" восприняло как "последнюю оперетту", прежде чем увлечься мюзиклом.

Сюжет подвергнут изменениям — ну и что? Кто-то пострадал? Может быть, автор этих строк, имевшая удовольствие видеть и спектакль Негреску, и спектакль Подгородинского, совершенно разные, но яркие и интересные? Владимира Подгородинского, создавшего новую сценическую редакцию, стоит поздравить с удачей. Раньше театралы со стажем имели удовольствие смотреть комедию, где удовлетворяли такие персонажи как аргентинская танцовщица Танголита и аташе турецкого посольства Мустафа-бей плюс шесть его бывших жен, а интрига строилась на мнимой супружеской измене.

Нынче главной героиней становится вдохновенная девушка, композитор и певица Дези Брайтон (Заслуженная артистка Украины Ирина Ковальская), эмансипированная рыжая бестия, у которой несомненный талант, что подтверждает самый мистический персонаж, Моцарт, сходящий с пьедестала ради того, чтобы помочь ее карьере (Моцарт — лау-

реат международного конкурса вокалистов Александр Кабаков). Феминистский ход сюжета поддержан авторитетом классика, лишённого предрассудков. Дези умеет не только сочинять музыку, но и постоять за себя. Увидевший в ней сильного конкурента дирижер Диффенбах (Александр Владыченко в "возрастной" роли, пожалуй, выходит впервые и столь же убедителен, как и тогда, когда перевоплощается в молодых, как и он сам, героев) напрасно пытается помешать ее первому выступлению. Пусть коварный мастер пролил шампанское на платье и оттоптал подол — она будет дирижировать, хотя бы для этого и пришлось одолжить мужской фрак! "О мистер Блэк — манишка как снег, о леди Штерн — вся шик и модерн" — дебют красотишки пройдет на славу!

А как же знаменитая ария Танголиты ("В стране чудес, где моря плеск, где, знойной неги полна, ласкает волна кора-аллы..."), шлягер, прославивший "Бал в "Савоие"?.. Ария никуда не делась, просто персонажа такого нет! Во втором действии в качестве концертного номера ее блестяще исполнит знаменитая певица Мадлен Тибо (Народная ар-

песня "Вернись в Сорренто" и песенно-танцевальный номер, очевидно, в подражание Марлен Дитрих. Сопровождается это примитивно-дешёвым объявлением выступающих на балу: Дучано Заваротти и Карен Зитрих. И что в результате? Восхитительнейшая неаполитанская вещь в исполнении хорошего тенора Александра Прокоповича из всех номеров имела наибольший успех. Звучали просто овации. Второй номер, представленный Викторией Подольной, также превзошёл по степени принятия публикой номера собственно оперетты. (Хочу добавить о Прокоповиче: в конце октября группа австрийцев, знающих классический репертуар, видела его в Оперном в роли Неморино из "Любовного напитка". Очень им понравился, как и его партнёрша Надежда Сычук, исполнявшая Адину.)

Знаю, что многие могут сказать: я тут злобствую, как Зоил. Но это могут быть помимо участвовавших в спектакле заинтересованных лиц не то что простые, а простейшие зрители, к которым за кулисами бывает пренебрежение в форме высказывания "публика — дура". А ведь действительно: смотришь на зрителей, и часто становится тоскливо от их реакции, от их дурновкусыцы, от их восторга до поросычьего визга, как услышат что-нибудь примитивно-пошлое типа ответа барменши: "Выпить!" — когда перед героями встаёт вопрос, что делать. Об этом же в своей передаче говорил недавно один тележурналист. Что ж, этот спектакль может быть хорош для публики, начинающей отзывы о театральных произведениях с костюмов. Авторы произведения, что — портные, а спектакль — это показ мод? Одна дама, рассуждающая "меня всё устраивает", побывав на "Балу", пришла в восторг и добавила, что он ей больше понравился, чем "Сильва". (Хотя всё-таки признала превосходство музыки Кальмана.) Если публике могло понравиться такое разложение как "Хаджибей, или Любовь к 3000 апельсинов", то должно просто стать жутко.

Хочу отметить ещё кое-что. Я встретил высказывание, приписываемое Фаине Раневской: "Вот я вам скажу, в чём беда современного театра, главная беда: халтурщиком стал

зритель!!! Он позволяет актёрам делать на сцене бог знает что и ходит в театр на что попало!" Согласен: беда... Зрителя сейчас можно совершенно не уважать — он всё проглотит. Ему можно показать голый зад — как в постановке нашим Русским театром "Вия" (режиссёр Г. Ковтун) — примет. Понимаю: актёр — человек подневольный, побоится пойти против начальства, и сам унижится, и зрителя унижит. А вот вышел бы этот самый Ковтун на авансцену перед зрителями и спустил бы, что надо, может быть, какой-нибудь решивший защитить своё зрительское достоинство посетитель согласился бы пойти домой босиком, не пожалев башмака для мягкого места "культурного" режиссёра.

В последние годы слышно, что критика в Одессе умерла, статьи заказные. Иной раз, почитав рецензии типа Марины Некрасовой из "Одесского вестника", подумаешь: и это критика? Всё что ни делает театр, расхваливается взахлёб, а по прочтении не сможешь из статьи ничего вынести. Зато стиль какой! Американские словечки типа "драйв" и производные от него (по три на небольшую заметку).

И последнее. Чего доброго, кто-то из театральных подумает: что-то осмелел он больно, уж не стоит ли кто очень солидный за ним да заказывает писаке? Не стоит, не стоит и не заказывает... Вы, театральные, очень любите говорить, что всё для зрителя, и даже провозглашать "его величество зритель". Но лозунги забываются, когда дело доходит до шкурного интереса. Так вот я, как потребитель вашей продукции, и предъявляю вам претензии не просто насчёт халтуры и брака, а насчёт того, что выходите на потребителя продукции вообще с гнилью. Многие скажут: говорить бесполезно. Но здесь идёт речь о защите чести и достоинства: бездарность должна знать, что ей существует оппозиция, что не все являются "зрительской чернью". Да и просветительская функция присутствует. И поддержание колеблющихся.

В итоге: Моцарт там не правит бал. А кто? Сатана там правит бал?

Аркадий ГРИНЬ,
зритель.

Не поминайте Раневскую всю

тистка Украины Ольга Оганезова). Концерт на балу изобилует шикарными номерами, тут и "Вернись в Сорренто", который исполнит итальянский тенор Даччано Заваротти (лауреат международных конкурсов Александр Прокопович), и "Бай мир бист ду шейн" от несравненной дивы Карлен Цитрих (Заслуженная артистка Украины Виктория Подольная). И будьте уверены: тенор — так такой тенор, что от криков "Браво!" из зала уши закладывает, а дива не только красива и сексуальна — поет, на пуантах отплясывая (помогло и пригодилось балетное прошлое актрисы). Эти вставные номера украсили спектакль и уж точно не помешали публике. Оркестру нашего театра под руководством Заслуженного деятеля искусств Украины дирижера Вадима Перевозникова подвластны различные стили, вплоть до джаза.

Певица Мадлен Тибо и знаменитый художник Аристид Стентон (лауреат конкурса "Народное признание" Владимир Кондратьев) в данном варианте оперетты — не супруги, а только познакомившиеся влюбленные, чьи чувства молоды и горячи. Тем интереснее! Балетмейстер-постановщик Заслуженная

артистка Украины Алла Рубина работала отнюдь не только над балетными сценами, она старалась наполнить каждое движение солистов изысканной пластикой (сколько поэзии, а также "химии" в том, как герои синхронно перепархивают лежащие на полу чепчики или соприкасаются руками на крышке рояля!).

Действие идет на нескольких планах, и зрители получают массу удовольствия от перемещений хора и балета, особенно от своеобразной "немой сцены" в глубине, когда наблюдающие за действием гости бала сгруппированы вокруг Моцарта, которому "знатоки" постоянно приписывают удачную мелодию, сочиненную Деци.

Здесь нет мелочей, и зеленая меховая накидка на плечах Мадлен, которую она иронично называет "грин тушкан", вовсе не делает ее похожей на ту самую людоедку Эллочку: перед нами милостью Божией примадонна (каковой Ольга Оганезова, по сути, и является).

Блестает озорной кельнер Помероль (Денис Фалюта), становящийся центром переодетий и превращений, вокруг которого по-

стоянно мелькают все эти фраки и ливреи, по которым тебя встречают в обществе. Неудивительно, что кельнер завоевывает сердце Деци, с которой "целовался по собственной инициативе", вводя бедняжку в заблуждение по воле Аристиды. Сословные предрасположки — чушь, любовь важнее! Сомнению подвергается даже авторитет всемогущего и импозантного директора отеля "Савой" Хедленда (единственный участник предыдущей постановки 1991 года Николай Завгородний, Народный артист Украины, мастерски играет недоумение и вежливое потакание даме, принявшей его в очередной раз за очередного кельнера). Узнаваемый образ импресарио примадонны Фроста создает Сергей Мильков — такому щеголю нельзя доверить не то что судьбу артистки, но даже ее горжетку, тонко гляди на себя наплит... Самая маленькая роль наполнена самым глубоким смыслом и сделана ярко, броско, убедительно.

Все эти музыкальные и актерские кружева вышиваются по золотой канве конструкции в стиле ар-деко — Заслуженный художник Украины Станислав Зайцев и художник по кос-

тюмам Елена Лесникова создали удивительную атмосферу, не перебарщивая с оборками и позолотой: такое впечатление, что попал на вечеринку "Великого Гэтсби", только без мрачных тайн и страстей, бушующих под гламурной обстановкой, а с оптимизмом, верой в свое предназначение (даже если оно ограничивается написанием модных фокстротов) и, разумеется, в любовь.

И да, кто, собственно сказал Аркадию Гриню, что на сцене строго началось тридцатых годов и там не может появиться пистолет от де Голя? О театральной реальности мы не слышали? Такую меру условности принять не можем? Голого тела на сцене пугаемся (правда, в совершенно другом театре, и та же Раневская не преминула бы отметить, что в данном случае ж...а притянута за уши)? Так есть выход — остаться дома и беса тешить, брюзжа на пожелтевшие газетные листы с чужими "проплаченными" рецензиями о давно сошедших со сцены постановках.

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.